

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ И ЗНАЧЕНИЙ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Т. Солдатенкова, Р. Вергауен

Католический университет г. Левен, Бельгия

Поступила в редакцию 10 июня 2010 г.

Аннотация: рассматриваются основные подходы к проблеме субъективной модальности, анализируются их сильные стороны и недостатки. Детально обсуждаются фразеологизированные структуры, используемые в речи носителей современного русского языка.

Ключевые слова: синтаксис, русский язык, модальность, синтаксический фразеологизм.

Abstract: the article discusses strengths and weaknesses of major approaches to subjective modality. Special attention is paid to idiomatic structures used by speakers of Russian.

Key words: syntax, Russian language, modality, syntactic idiom.

В русском языке существует значительное количество нестандартных специфических построений, семантико-синтаксические свойства которых отличаются от регулярных синтаксических структур, т.е. структур, построенных по правилам русского синтаксиса. Например: *Какое/какой там помог!*, *Неделя как неделя*. В грамматике эти структуры получили название «синтаксических фразеологизмов» (далее – СФ), потому что «связи и отношения компонентов необъяснимы с точки зрения живых грамматических правил» [1, с. 500]. Предложения фразеологизированной структуры используются в речи носителей языка для выражения значительного количества значений субъективной модальности. Например, первый из вышеприведенных примеров выражает значение экспрессивного отрицания, а второй – определяет предмет как соответствующий обычному.

В русской лингвистике исследования субъективной модальности имеют длительную историю: первое описание категории субъективной модальности и классификация модальных слов содержатся в работе В. В. Виноградова [2]. Эта работа послужила стимулом для глубокого анализа различных аспектов субъективной модальности [3; 4; 5; 6; 7; 8]. Все эти работы выполнены в рамках традиции семантического подхода, т.е. «от значения к форме». Большое влияние на решение этой проблемы в русской лингвистике оказала работа французского лингвиста Ш. Балли [9].

В этой статье мы хотели бы предложить формальные критерии для описания синтаксических средств, используемых для выражения значений субъективной модальности, с точки зрения принципов Местоименного Подхода [10]. Особое внимание уделено проблеме определения фразеологизированных синтаксичес-

ких структур в их противоположности лексическим фразеологизмам и другим структурам, выражающим значения субъективной модальности.

Итак, сначала представим проблему категоризации СФ и проделаем это, используя три подхода. Сначала рассмотрим подход с точки зрения *Русской грамматики* [11] и *Краткой русской грамматики*¹ [1], потому что здесь предложен наиболее полный обзор лексических и синтаксических средств выражения субъективной модальности (далее – СМ). Кроме того, критерии, используемые в этих грамматиках, составляют предмет обсуждения для большинства ученых, занимающихся этой проблематикой (например, Е. В. Падучева [8] исходит из формального критерия *синтаксической неподчинимости* в описании средств СМ). Наиболее систематическое изучение фразеологизированных синтаксических структур представлено в работе А. В. Величко [12]. Это исследование наиболее формально описывает структуру СФ, в то время как сама классификация реализована в семантическом ключе. Наконец, мы представим вклад конструктивистского Местоименного Подхода в проблематику определения и описания значений СМ. Преимущество этого метода состоит в оперировании формальными и поддающимися проверке критериев.

1. Подход *Русской грамматики* (Шведова, 1980) и *Краткой русской грамматики* (Шведова, Лопатин, 1989)

¹ Обе книги написаны одним и тем же авторским коллективом с разницей в 9 лет. В *Краткую русскую грамматику* авторы, учитывая многочисленные рецензии и новые грамматические исследования, «внесли необходимые дополнения и исправления» [1, с. 3]. Мы цитируем по *Русской грамматике* [11], если текст в обоих трудах одинаков. В противном случае – по *Краткой русской грамматике* [1].

В данных работах концепт *субъективная модальность* представлен, с одной стороны, описанием семантических значений, выражающих СМ, и, с другой стороны, перечислением в большей или меньшей степени соответствующих им синтаксических конструкций. Понятие *субъективная модальность* обозначает, согласно этому подходу, «формально неоднородный круг средств, используемых говорящим для выражения своего, личного отношения к тому, о чем он сообщает» [1, с. 499]. К области СМ относятся различные аспекты оценок и интеллектуальных квалификаций (например, идентификация подлинности, вероятности, надежности, различных видов ожидания), а также значения, выражающие эмоциональную и волевую реакцию говорящего. Эти многообразные значения субъективной модальности в конечном счете могут быть разбиты на две большие группы: «оценочно-характеризующие значения» и «собственно оценочные значения» [11, т. II, с. 216].

Первая группа содержит те значения, которые выражают отношения между характеристикой какого-либо события и отношением к этим характеристикам. Заметим, что характеристики события не обязательно должны быть субъективными, так как могут появляться независимо от факта или случая. Так, в предложении *Вот это дождь так дождь!* субъективная оценка «таким должен быть настоящий дождь» сочетается с несубъективной характеристикой дождя как интенсивного. «В таких значениях обнаруживаются сложные объективно-субъективные моменты» [11, т. II, с. 216]. Вторая группа охватывает значения, полностью принадлежащие к сфере СМ, и, следовательно, выражающие личное отношение говорящего к сообщаемому. Но, далее, после столь сложно описанного разграничения, читаем, что «собственно оценочные значения ... могут сопровождать собой те значения, которые выше названы «оценочно-характеризующими». Тем самым противопоставление «оценочно-характеризующих» и «собственно оценочных» значений становится в значительной степени условным» [11, т. II, с. 217]. Отсюда следует, что предложенный *Русской грамматикой* (и соответственно *Краткой русской грамматикой*) подход не предлагает решения точной семантической классификации СМ. Большим недостатком, на наш взгляд, является отсутствие связи между описанием языковых средств СМ и предложенной семантической классификацией, т.е. нет соответствия между значением и структурой.

В *Русской грамматике* синтаксические значения классифицируются по следующим группам: специальные синтаксические конструкции (синтаксические фразеологизмы, соединения словоформ, повторы; конструкции с модальными частицами (типа *все еще, также, поскольку...*) и их аналоги; построения с

вводными словами (типа *конечно, естественно...*) и вводными предложениями; конструкции с междометиями (типа *ах, о...*).

Синтаксические фразеологизмы определены как структуры, в которых связи между компонентами с точки зрения грамматики объяснить нельзя. Соединения форм слов представлены в виде образцов или моделей, «по которым организуются члены предложения» [11, т. II, с. 500]. Различие между СФ и соединением словоформ заключается в том, что СФ является фразеологизированным предложением. Наконец, повторение того же самого слова с союзом или без него формирует повторы. Соединение словоформ может, с одной стороны, выступать с союзным словом или без него, и, с другой стороны, может быть лексически ограниченным или неограниченным. В классификации значений субъективной модальности остается неясным, в каких случаях, например, квалификация надежности является «оценочно-характеризующей» или «собственно оценочной». Также не выявлены критерии, согласно которым синтаксические конструкции образуют группу соединения словоформ, СФ или повторов. Выражение *Дом как дом* (значение соответствия норме) классифицируется как СФ, в то время как *Лес и лес* (значение соответствия обычному) классифицируется как соединение словоформ, а не повторов. Те же проблемы возникают и с модальными частицами, где классификационные критерии остаются крайне расплывчатыми. Например, выражение угрозы *Поговори мне еще*, согласно критериям *Русской грамматики*, должно входить в группу СФ, поскольку отношения между компонентами грамматически необъяснимы, и существует возможность их независимого использования (так называемое фразеологизированное предложение). Однако эта фраза классифицируется как конструкция с модальными частицами, хотя частица *еще* сама по себе не принадлежит понятию субъективной модальности (ср.: *Дай мне еще супа*). Значение СМ эта частица приобретает исключительно в подобных нерегулярных синтаксических конструкциях.

Различие между *лексически ограниченным сочетанием словоформ* и *фразеологизмами* требует дальнейшей разработки ввиду отсутствия границы между ними. Так, выражение *Пропади все пропадом* в любых контекстах остается лексически и морфологически неизменным, в то время как сочетание *криком кричит* может подвергаться морфологическим изменениям: *криком кричал*.

Противоречия в данных работах послужили важным стимулом для дальнейшего изучения этой проблемы.

2. Падучева Е. В. *Субъективная модальность: иллокутивные показатели и вводные слова* [8, с. 297–320].

Исследование Е. В. Падучевой [8] отталкивается от двух концепций, которые служат критериями для предложенного ей анализа значений СМ. Первая концепция связана с трансформационной грамматикой семидесятых [13; 14] и касается явления *синтаксической неподчинимости*. В различных языках существует обширный ряд языковых единиц (как, например, фразеологизм, какое-либо слово в одном из его значений, синтаксическая конструкция или линейно-интонационная конструкция), которые допустимы только в синтаксически независимой позиции, т.е. только в составе главного предложения. Использование подобного слова или конструкции в составе придаточного предложения приводит к аномалии. Например [8, с. 297]:

[1] Иван, *кажется*, в отпуске.

*То, что Иван, *кажется*, в отпуске, путает все мои планы.

Вторая концепция, близко связанная с концепцией невозможности синтаксического подчинения, была разработана А. Wierzbicka и Ю. Д. Апресяном [15, с. 16]. Это явление *нецитируемости*. Некоторые слова, конструкции или предложения не поддаются точной передаче в косвенной речи. Например [8, с. 298]:

[2] Зина: «Иван, *кажется*, в отпуске».

* Зина считает, что Иван, *кажется*, в отпуске.

В концепте СМ автор выделяет две группы. Первая группа содержит языковые средства, используемые говорящим для выражения своего личного отношения к тому, что он сообщает. Здесь автор, как нам представляется, подразумевает «оценочно-характеризующие» значения в терминах *Русской грамматики* (т.е. характеристики и отношение говорящего к этим характеристикам). Формальное ограничение, накладываемое автором на языковые средства этой группы, можно для краткости назвать *неэксплицитностью выражения*. Это означает, что отношение говорящего к своему высказыванию не должно быть выражено «с помощью отдельной предикации с подлежащим в 1-м лице, обозначающим говорящего» [8, с. 299]. Сюда относятся, в первую очередь, вводные слова, такие, как, например, *безусловно, конечно*, потому что они неявным способом выражают отношение говорящего. Предикацию с пропозициональной установкой типа *Я уверен, что он вернется*, Е. В. Падучева выносит за пределы категории СМ. Автор считает, что *неэксплицитность выражения* оправдывает позицию *Русской грамматики*, в которой модальные слова *можно, нужно, должен, может, возможно* не включены в понятие субъективной модальности. Тот факт, что субъект в предложениях со словосочетаниями *можно и нужно* допустим исключительно в дательном падеже, т.е. выражен в соответствии с критерием Падучевой неэксплицитно, остался, по видимому, вне поля зрения автора.

Вторая группа языковых средств СМ содержит экспрессивные средства выражения «коммуникативного намерения говорящего» [8, с. 300]. Сюда входят те значения СМ, которые в *Русской грамматике* называются «собственно оценочными». Большей частью они выражают значения согласия/несогласия, подтверждения/неподтверждения, одобрения, увещевания, угрозы и т.д. В терминологии автора такие средства называются «показателями иллокутивного предназначения предложения» [8, с. 30]. Они служат показателями определенного типа речевого акта, который говорящий может осуществить с помощью данного предложения. Е. В. Падучева подчеркивает, что коммуникативное намерение говорящего должно быть выражено неэксплицитно. Вследствие этого предложение *Я требую, чтобы ты оставил помещение* не может быть отнесено к сфере СМ, так как содержит подлежащее в им. падеже и перформативный глагол. В относительно равнозначном *Пошел вон коммуникативное намерение* эксплицитно не выражено. Высказывания типа *Какой он там ученый* или *Стану я его слушать* автор относит к этой группе субъективной модальности, несмотря на то, что говорящий в последнем примере выражен эксплицитно, местоимением *я* в им. падеже, что является противоречием формальному критерию неэксплицитности, введенным самим же автором. Необходимо заметить, что условие неэксплицитности надлежит дополнить критерием обязательной инверсии – предложение не может начинаться с эксплицитно выраженного субъекта (ср.: *я стану его слушать*).

Следующие критерии являются общими для обеих групп: 1) модальный субъект не должен быть выражен эксплицитно; 2) говорящий должен обязательно участвовать в эксплицитной формулировке того же самого значения.

Далее проводится исследование функционирования субъективно-модальных показателей второй группы в рамках иллокутивных классов предложений. Речь идет о том, что в грамматиках называется *типами предложений по цели высказывания*. Как известно, сюда относятся утвердительные, вопросительные, побудительные и восклицательные предложения. Цель этого анализа состоит в том, чтобы показать, что использование модальных иллокутивных элементов может преобразовать предложение с недостаточным определенным назначением в предложение, предназначенное для выполнения определенного речевого акта. Так, утвердительное предложение *Никогда я на Камчатке не был* не содержит субъективно-модального показателя и потому соответствует критерию подчинимости: *Я сожалею, что никогда я на Камчатке не был*. Введение модального показателя с помощью интонационной конструкции, иллокутивная функция которой состоит в отрицании

ложной информации *Никогда* || *я на Камчатке не был*, делает это предложение неподчинимым: * *Я сожалею, что никогда || я на Камчатке не был*.

Е. В. Падучева указывает на проблематичность критерия неподчинимости, потому что при постановке независимого высказывания в подчинительную позицию могут произойти различные сдвиги, например, измениться интонация, которая зачастую и является единственным показателем субъективной модальности как в вышеприведенном примере. Таким образом, вопрос о подставимости высказывания в подчинительный контекст не всегда просто решить. Но автор полагает, что «для предложения с показателем субъективной модальности всегда возможно найти контекст, в который это предложение не подставляется из-за наличия этого модального показателя» [8, с. 298]. Однако вне исследования осталось описание языковых средств, которые могут быть использованы для формирования подчинительного контекста: семантический класс глаголов, временная парадигма, вид. *Фундаментальная классификация предикатов*, предложенная Ю. Д. Апресяном [16, с. 27–57], может помочь ограничить группу глаголов, способных участвовать в подчинительном контексте, и продолжить их исследование.

Вторая часть исследования средств субъективной модальности связана с изучением вводных слов. Автор, не возвращаясь к ранее утвержденным критериям, отмечает, что многие «вводные слова и обороты вовсе не всегда неподчинимы» [8, с. 310]. Вводные слова, которые не могут использоваться в подчинительном контексте и которые выражают интерпретацию говорящего, исследователь называет первичными эгоцентриками (см. [1]). Ко вторичным эгоцентрикам относятся вводные слова, допускающие интерпретацию относительно текстового субъекта (например: *Коля считает, что защита состоится, скорее всего, в декабре*). Далее следует семантическая классификация вводных слов, в которой вводные обороты делятся на метатекстовые (*между прочим, тем не менее, кстати*) и оценочные. Последние подразделяются на три подгруппы: вводные слова, выражающие: а) оценку факта (*к счастью, на беду*); б) оценку достоверности информации (*безусловно, кажется*); в) оценку соответствия ожидания (*конечно, естественно, разумеется*). Заметим, что каждая группа иллюстрируется несколькими примерами, а полная систематическая классификация вводных слов отсутствует. Затем, «с точки зрения коммуникативного статуса ассоциируемой пропозиции» [8, с. 313], вводные слова подразделяются на три группы. В первую группу входят вводные слова, которые сочетаются только с ассертивной модальностью ассоциируемой пропозиции. Вторую группу составляют слова, предполагающие нейтральную модальность в

пропозиции, и, наконец, третья группа объединяет вводные слова, которые «безразличны» [8, с. 314] к модальности пропозиции. Возражение вызывает нечеткость в определении принадлежности той или иной семантической группы вводных слов к группам ассоциированных пропозиций. Так, говоря об ассертивной модальности пропозиции, автор вообще умалчивает о той семантической группе (группах) вводных слов, которые сочетаются с данной пропозицией.

Предложенный Е. В. Падучевой метод исследования языковых средств не решает проблему соответствия между выделенными группами значений СМ и языковыми средствами. Так, при анализе модальных иллокутивных элементов, входящих во вторую группу значений СМ («средства выражения коммуникативного намерения говорящего» [8, с. 300], Падучева использует и те элементы, которые, согласно ее собственному утверждению, принадлежат к первой группе. Примеры, приводимые в работе, содержат и специальные синтаксические структуры, и фразеологизмы, и специальные интонационные модели, и модальные частицы.

3. Величко А. В. *Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев* [12].

Если Е. В. Падучева в отношении классификации значений субъективной модальности присоединяется к *Русской грамматике* (разделение на «оценочно-характеризующие» и «собственно оценочные»), то отправная точка исследования А. В. Величко была основана на нечеткости и недостаточной пригодности этой классификации к преподаванию данного материала иноязычной аудитории [12, с. 6–8]. В данной работе предложена семантическая классификация синтаксических фразеологизмов (СФ), основанная на функциональных критериях. Остальные средства выражения СМ остаются за пределами исследования.

Исходя из определения СФ в *Русской грамматике* [11, т. II, с. 217], Величко описывает СФ как специальные синтаксические конструкции, которые являются идиоматическими, связанными, не соответствующими живым синтаксическим правилам, например [12, с. 7]:

[3] *Нет чтобы помолчать*.

Различие между лексическим фразеологизмом и СФ состоит, согласно Величко, в том, что лексический фразеологизм (ЛФ) должен быть полностью включен в речь без каких-либо изменений: *делать из мухи слона*, но * *делать из мыши слона*. СФ в противоположность ЛФ является структурой, которая состоит из так называемого *постоянного компонента* и *свободного компонента*. С морфологической точки зрения постоянным компонентом могут быть различные части речи (местоимения, междометия, частицы, соединения и т.п.), которые в структуре СФ не подле-

жат изменению. Именно постоянный компонент формирует основу и задает обобщенное значение СФ. Свободный компонент ограничен своей морфологической формой, но показывает большую лексическую свободу. Так, *Нет чтобы* в примере [3] является постоянным компонентом, а *помолчать* – свободным. Модель СФ *Нет чтобы* + глагол выражает обобщенное значение сожаления по поводу неосуществленного действия. При наполнении свободного компонента лексическим материалом это обобщенное значение накладывается на конкретное, зависящее от лексического значения свободного компонента. Пример [4] иллюстрирует доминирующий фактор обобщенного значения, который преобладает над наполнением свободного компонента:

[4] *Нет чтобы поехать, купить, сделать...*

СФ в исследовании А. В. Величко представлен как модель синтаксических и морфологических ограничений, которые подвергаются тщательному исследованию. Автор, как было сказано выше, отклоняет классификацию *Русской грамматики*, где значения субъективной модальности описаны в отрыве от языковых средств. По мнению автора, значение СФ в *Русской грамматике* определено недостаточно детально, так как не отмечены особенности наполнения свободного компонента и отсутствуют указания об условиях употребления СФ. Модели СФ объединяются в ряд семантических групп. Критерием выделения семантической группы является общность основного значения входящих в нее СФ. Основное значение СФ – это «семантический компонент, который доминирует среди семантических компонентов и оттенков, совмещенных в нем» [12, с. 9]. Для определения доминирующего семантического компонента используется функциональный критерий цели высказывания, т.е. учитывается, с какой целью говорящий использует в речи СФ (с целью выражения необходимости, сожаления, отрицания и т.д.).

Классификация А. В. Величко состоит из шести групп:

1. СФ, выражающие оценку или характеристику: *Вот это мастер!*; *Что за характер!*; *Какой он невец!* и т.п.

2. СФ, выражающие согласие, принятие, утверждение, возражение, отрицание: *Ну что ж, ехать так ехать!*; *Работа есть работа!*; *Где же мне было уехать!* и т.п.

3. СФ, выражающие необходимость, целесообразность, ненужность, невозможность: *Как было не пойти к ним!*; *Не сидеть же здесь до вечера!*; *Хоть уезжай отсюда* и т.п.

4. СФ, выражающие ограничение, единственность, исключительность, множественность: *У них только и разговор, что о работе*; *Ему бы только развлекаться*; *Каких только игрушек ей не покупали* и т.п.

5. СФ, передающие акцентирование: *Уж кто-кто, а она знает*; *Он учится не где-нибудь, а в МГУ* и т.п.

6. СФ со значением логической обусловленности: *Работа работой, а отдыхать тоже надо*; *Стоило ей уехать, как ему стало грустно* и т.п.

В пределах группы оценки и характеристики Величко различает СФ, способные выражать как положительную так и отрицательную оценку, например:

[5] *Вот это мастер!*

Положительная (*Какой хороший мастер!*) или отрицательная (*Какой плохой мастер!*) оценка говорящего зависит в данном случае от интонации и лексического наполнения свободного компонента. Модель СФ *Негодяй из негодяев!* входит в подгруппу СФ, выражающих исключительно отрицательное отношение. Но данный СФ при наполнении свободных компонентов лексическими элементами положительной коннотации может также выражать положительную оценку, например:

[7] *Молодец из молодцов!*

Так, несмотря на тщательное исследование формальных характеристик постоянных и свободных компонентов СФ, возможности лексического наполнения при данном подходе не могут быть проанализированы исчерпывающим образом по причине большого объема лексической базы данных.

Присутствие постоянных и свободных синтаксических компонентов формирует критерий для определения СФ в этом исследовании наравне с нерегулярностью «синтаксических связей и построений» [12, с. 5]. Другая характеристика СФ – предикативность. Под этим подразумевается, что СФ может быть использован как самостоятельное высказывание. Вероятно, по этой причине конструкции *Молодец из молодцов!*; *Лес и лес*; *Приехал и приехал* А. В. Величко относит к СФ, в то время как в *Русской грамматике* они классифицируются как соединения словоформ. Не всегда также соблюдается критерий нерегулярности синтаксиса. Так, конструкция *А почему бы и не поехать?!* построена, как нам кажется, в соответствии с живыми правилами русской грамматической системы, внутри которой для выражения желательности широко используется инфинитивная конструкция с частицей *бы*.

4. Местоименный Подход.

Местоименный Подход предлагает нам возможность исследовать лингвистические значения субъективной модальности формальным систематическим способом, поддающимся проверке. Из предыдущего анализа мы узнали, что каждая группа лингвистических значений была проанализирована скорее семантическим способом, который часто приводил к противоречиям между критериями одной и другой группы. Преимущество Местоименного Подхода

состоит в том, что в нем все лингвистические значения исследованы формальным методом, поддающимся проверке.

Концепт местоименных предложений, возможности/невозможности пропорционального отношения между местоименными парадигмами и лексическими элементами, связанные с ними понятия предикатора конструкции и эпитакса занимают центральное положение в этом формальном подходе. Другим не менее важным положением Местоименного Подхода является то, что значение конструкции должно быть определено в соответствии с формальными характеристиками данной конструкции и местом, которое эта конструкция занимает в сети синтаксических осей. Однако, как мы увидим, отношение между значением и упомянутыми формальными характеристиками не совсем однозначно.

С целью пояснения критерия пропорциональности рассмотрим два случая:

[6] *Виктор работает на заводе.*

[6a] *Виктор в математике собаку съел.*

Первое предложение пропорционально местоименной конструкции с парадигмами глагольного ядра и местоименными парадигмами субъекта действия и места:

[7] кто ? что делает? где?

В местоименной схеме второго отношение пропорциональности нарушено:

[7a] кто? *что делает? ?/* где?/в чем?

Из анализа ключевых положений Местоименного Подхода мы можем заключить, что в случае наличия отношения пропорциональности между лексическими элементами глагольной конструкции и ее местоименной схемой мы имеем дело с регулярными синтаксическими конструкциями. Свойства таких конструкций могут быть как общими, так и обусловленными (например, типом предикатора или определенным семантическим классом глагола). Описание общих характеристик расположено в области грамматики, а описания специфических свойств – в области лексикографии. Наличие или отсутствие отношения пропорциональности с ключевым глагольным местоимением (*что делать?*) позволяют нам установить ядро синтаксической конструкции, которое определяется в Местоименном Подходе как предикатор, комплексный предикатор или модификатор [10; 17; а для русского языка мы отсылаем к докторской диссертации Д. Divjak [18]. В случае частичного нарушения отношения пропорциональности с местоименными парадигмами ([7a]) мы сталкиваемся с конструкциями, которые в *Русской грамматике* получили название *специальные синтаксические конструкции* [11, т. II, с. 217],

в состав которых входят синтаксические фразеологизмы (СФ). Если же некоторые элементы конструкции не имеют отношения пропорциональности ни к местоименным парадигмам, ни к местоименному ядру синтаксической конструкции (*что делать?*), то мы имеем дело с элементами, которые в пределах терминологии Местоименного Подхода, получили название эпитаксис [17]. Они являются союзами, частицами, вводными словами и междометиями.

Итак, можно заключить, что исследование специальных синтаксических конструкций в Местоименном Подходе начинается с установления отношения пропорциональности.

4.1. Лексический фразеологизм (ЛФ).

Мы можем говорить, что имеем дело с лексическим фразеологизмом, когда отношение пропорциональности между некоторым элементом и местоименной парадигмой отсутствует, и когда этот элемент лексически ограничен использованием некоторого слова:

[8] *Он упал на колени*

Р ном.	упасть	Р предлог + асс / Р асс
кто		*на что/куда
я, ты, они		*на это/туда,
где Р – парадигма;		
ном. – именительный падеж;		
асс. – винительный падеж.		

Анализ ЛФ в русском языке должен быть далее дифференцирован с помощью следующих критериев:

1) Наличие/отсутствие отношения пропорциональности с субпарадигмами в сочетании с их обязательностью/факультативностью:

[8] *Он обратил мое внимание на это*

Р ном	что сделал?	Р предлог + асс
Кто?	*обратил внимание	на это, на то, на кого...
Я, ты, он		чье внимание?
Мы, вы, они		мое, твое, его...
Кто-нибудь,		
Кто-то		
Никто		

В данном примере отношение пропорциональности присутствует в парадигмах именительного и винительного падежей с предлогом. Значительная вариативность местоимений свидетельствует о том, что замена местоимений лексическим материалом тоже велика. Пропорциональность выражения *обратить внимание* с местоименным определителем глагольного ядра *что делать* нарушена, однако имеется пропорциональность с субпарадигмой принадлежности *чье*.

2) Возможность/невозможность вопроса *Что делать?* позволяет выявить глагольное ядро синтак-

сической конструкции. Возможность/невозможность вопроса *Что происходит? /Это так?* предоставляет возможность выявить всю фразу, поэтому является определением предложения в его целостности, неразделимости, например:

[9] *Он в этом деле собаку съел*

*Что он сделал? Что происходит? Это так?

3) Возможность/невозможность отрицания, например:

[10] *Он не обратил внимания*

*Он не съел в этом деле собаку

4) Приемлемость изменения в порядке слов и возможность трансформации фразеологизма в пассивную конструкцию также должны быть подвергнуты исследованию, так как они являются формальными и, следовательно, контролируруемыми критериями.

Хотя Местоименный Подход позволяет нам описать правильное синтаксическое использование лексического фразеологизма, значение ЛФ (т.е. почему, например, *съесть собаку в чем-то* обозначает *иметь обширные знания в какой-либо области*) с помощью этого метода определить нельзя. Местоименный Подход оперирует минимальными справочными элементами языка (т.е. местоимениями), поэтому только первичные значения конструкции могут быть установлены данным методом.

4.2. Синтаксический фразеологизм и Местоименный Подход

В рамках Местоименного Подхода СФ должен быть исследован в двух стадиях. Первая стадия включает изучение наличия/отсутствия отношения пропорциональности в этих нерегулярных конструкциях, и поиск его возможных дистрибутивных характеристик, типа несвободного/свободного порядка элементов, возможности/невозможности трансформации в пассивную конструкцию, временной парадигмы, отрицания, например:

[11] *Какое там помог!*

*какой/ *где/ *что сделал

*такой там сделал?

*отрицание

*пассив

+ временная парадигма

Несвободный порядок слов

[12] *Мало ли что он женится!*

*сколько ли что кто делает

*много *это, *то я, ты, он...

+ отрицание Мало ли что он не женится

+ пассив Мало ли что он был женат

+ временная парадигма

Несвободный порядок слов

Эта стадия позволяет определять синтаксическое поведение таких структур систематическим способом, поддающимся проверке, и готовит нас ко второй стадии.

Во второй стадии мы должны установить, до какой степени определенная нерегулярная конструкция может выступать в качестве лексического наполнения глагольного ядра, назовем его для краткости *pro-verbum*, или синтагмы предложения (*pro-синтагма*), или всего предложения в целом (*pro-предложение*) соответствующей ей регулярной конструкцией, например:

[13] *Он это сделал?*

Какое там сделал!

*Какое там это сделал!

Этот пример показывает, что экспрессивный отрицательный двусоставный элемент *какое там* относится к *pro-verbum*, который является в данном случае *pro-предикатором*, т.е. ядром всей конструкции. Отрицание, выражаемое постоянным элементом *какое там/тут*, относится ко всему предикатору в целом. Почему этот лексический элемент имеет значение отрицания, а не значение характеристики или оценки, остается, как уже говорилось об этом выше, в Местоименном Подходе неразрешенным. Однако данный метод предоставляет формальное оправдание семантической классификации подобных нерегулярных конструкций.

При использовании Местоименного Подхода возникает вопрос, почему мы рассматриваем эти конструкции как нерегулярные и не как эпитаксические элементы русского языка. Ключевое понятие отношения пропорциональности полностью отсутствует у эпитаксических элементов, вводное слово или междометие не представляют собой синтагмы предложения, поэтому местоименный синтагматический вопрос невозможен. В проанализированных конструкциях отношение пропорциональности между местоименными синтагматическими вопросами и лексическими элементами конструкции нарушено: некоторые элементы ограничены лексически и морфологически. Это дает основания рассматривать эти конструкции как нерегулярные или как СФ.

4.3. Эпитаксические элементы и Местоименный Подход.

Согласно Местоименному Подходу эпитаксис состоит из тех элементов, в которых отношение пропорциональности не действует [19]. Во-первых, это относится к союзам, частицам, вводным словам и междометиям. Анализ и классификация этих элементов в Местоименном Подходе проводятся согласно их дистрибутивному поведению. Мы ограничимся анализом вводных слов. Они могут относиться к *pro-синтагмам* – *Наверное, он*, к *pro-предикаторам* – *Он*,

наверное, пришел, к про-предикатам (т.е. предикатор + управление) – *Он, наверное, сделал это* или к про-предложению – *Наверное, это произойдет /это так*. Этот анализ показывает, к какой части предложения относится вводное слово. Вертикальная черта обозначает интонационную паузу:

[14] *Безусловно / неожиданно начался дождь*
Безусловно / так это произошло

[15] *Безусловно неожиданно / начался дождь*
Безусловно так /это произошло

Как отмечает Е. В. Падучева [8, с. 300], вводные слова имплицитно указывают на говорящего, выражая его отношение к сообщаемому. Именно поэтому мы анализируем вводные слова в комбинации с глаголами, которые выражают эмоциональное состояние и знания. Это позволяет нам формальным способом показать семантическое влияние глаголов на классы вводных слов и объяснить, почему невозможны некоторые комбинации, например:

[16] **Он, наконец-то, рад.*

*Он, наконец-то, знает.

Он, наконец-то, приехал.

Изучение эпитагматического в рамках Местоименного Подхода предлагает возможность описать главные семантико-синтаксические классы вводных слов. Определенные комбинаторные характеристики слов, которые не предусматривают некоторую комбинацию с вводным словом, исключаются из этого описания. Здесь мы касаемся области семантических теорий о влиянии синтаксиса на значение предложения. Однако, если мы согласны с тем, что «нельзя описать значение без привлечения использования и намерения» [20, р. 358], то, возможно, поиск значения в пределах языка – один из наиболее важных шагов в исследовании концепта значения.

Таким образом, проблематика субъективной модальности сводится к двум важнейшим вопросам:

1. Какие значения входят в группу субъективной модальности и на основе каких критериев эти значения могут быть категоризованы?

2. Какие языковые средства соответствуют значениям субъективной модальности и на основе каких критериев?

Ответы на поставленные вопросы пытались найти и авторы *Русской грамматики* [11], и отдельные лингвисты, как, например, Е. В. Падучева [8], А. В. Величко [12]. Данное исследование продолжается и в рамках Местоименного Подхода [10]. Русская грамматика описывает языковые средства субъективной модальности в отрыве от предложенной категоризации значений СМ. Исследование Е. В. Падучевой исходит из категоризации значений СМ *Русской грамматики*, концентрируясь на исследовании язы-

ковых средств СМ. Используемые при этом критерии не совсем безупречны, как например, критерий подчинимости. Связь между значениями СМ и языковыми средствами остается за пределами исследования. А. В. Величко, изучая синтаксические фразеологизмы (СФ), пытается на основе функционального критерия (с какой целью данный СФ используется говорящим) связать значение субъективной модальности с соответствующими ему СФ. Не всегда ясна причастность некоторых языковых средств к синтаксическим фразеологизмам, так как эти средства, по мнению авторов *Русской грамматики*, не входят в группу СФ. Сила Местоименного Подхода состоит в систематичности формальных критериев, с помощью которых может быть проведена классификация языковых средств СМ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шведова Н. Ю. Краткая русская грамматика / Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин. – М., 1989.
2. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Труды Института русского языка АН СССР. – М.; Л., 1950. – Т. 2.
3. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М., 1938.
4. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М., 1960.
5. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления / В. З. Панфилов. М., 1971.
6. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М., 1998.
7. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко. – Л., 1990.
8. Падучева Е. В. Субъективная модальность : иллокутивные показатели и вводные слова / Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М., 1996.
9. Bally Ch. Syntaxe de la modalité explicite / Ch. Bally // Cahiers F. de Saussure 2. Copenhagen, 1942.
10. Van den Eynde K. Methodological Reflections on Descriptive Linguistics. Knud Togeby's Principles and the Pronominal Approach / K. Eynde. – Studies in Valency, 1995. – № 1.
11. Шведова Н. Ю. Русская грамматика : в 2 т. / Н. Ю. Шведова. – М., 1980.
12. Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев / А. В. Величко. – М., 1996.
13. Green G. M. Main clause phenomena in subordinate clauses / G. M. Green // Language. – 1976. – № 52.
14. Bolinger D. Another glance at main clause phenomena / D. Bolinger // Language. – 1977. – № 53.
15. Wierzbicka A. Descriptions or quotations? / A. Wierzbicka // Sing, Language, Culture. – Paris, 1970. – Vol. 1.

16. *Апресян Ю. Д.* Языковые аномалии и точки роста новых явлений / Ю. Д. Апресян // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар «Боржоми-88»: тезисы докладов и сообщений. – М., 1988.

17. *Smessaert H.* Degrees of claus integration. From endotactic to exotactic subordination in Dutch / H. Smessaert, B. Cornille, D. Divjak, K. van den Eynde // *Linguistics*. – 2005. – Vol. 3.

18. *Divjak D.* Degrees of Verb Intergration. Conceptualizing and Categorizing Events in Russian / D. Divjak. – Phd Katholieke Universiteit Leuven, 2004.

19. *Van den Eynde K.* Structuration segmentale et suprasegmentale en syntaxe : vers un modèle intégrationniste de l'écrit et de l'oral / K. van den Eynde, P. Martens, P. Smiggers // Bilger M.; van den Eynde K. & Gadet, F. Analyse linguistique et approches de l'oral. Recueil d'études offert en hommage à Claire Blanche-Benveniste. Collection «Orbis/Supplementa 10». – Leuven ; Paris : Peeters, 1998. – P. 33–57.

20. *Pater W. A.* Taal en teken: een historisch-systematische inleiding in de taalfilosofie / W. A. Pater, P. Swiggers. – Universitaire pers Leuven, 2000.

Католический университет г. Левен, Бельгия

Солдатенкова Т., профессор факультета гуманитарных наук и искусств, программный директор Центра славистики

E-mail: Tatjana.Soldatjenkova@arts.kulenven.be

Вергаувен Р., профессор Института философии

E-mail: roder.vergauwen@hiw.kulenven.be

Catholic University of Leuven

Soldatenkova T., Associate Professor, Humanities and Social Studies, Program Director of Center of Slavonic and East European Studies

E-mail: Tatjana.Soldatjenkova@arts.kulenven.be

Vergauwen R., Professor, Institute of Philosophy

E-mail: roder.vergauwen@hiw.kulenven.be